

ШКОЛА И НОВЫЙ КЛАСС ЭКСПЛУАТАТОРОВ

Читатели, судя по заголовку статьи, могут предположить, что речь пойдёт о «новых русских», олигархах и т.п. Но это не так. Сегодняшнее расслоение общества на бедных и богатых — явление, конечно, печальное, но временное. Дальше расслоение общества будет двигаться по другому вектору, гораздо более опасному. И впервые в истории ответственность за это целиком ложится на систему образования, на школу.

Александр
Новиков,
академик РАН

В начале XXI века и третьего тысячелетия мы пытаемся анализировать и оценивать явления общественной жизни по прежним меркам, тогда как за последнее время, за последние два-три десятилетия мир изменился самым кардинальным образом, и *мы живём уже в этом новом мире*. Что же это за новый мир?

Для начала, уважаемые читатели, совершим небольшой экскурс в историю социально-экономических отношений. На всём протяжении человеческой истории во всех странах, независимо от того, какой король правил или какая империя властвовала, была ли в стране республика или монархия, подавляющая масса людей едва сводила концы с концами. Почти все ресурсы общества направлялись на решение одной задачи — утоление голода. Конечно, в древних обществах были человеческие ценности и достижения культуры, многие из которых превосходят те, что свойственны XX веку. Вместе с тем во избежание периодически возникающей идеализации «доброе старое время» не следует забывать и о реальностях прошлой материальной жизни — высокой детской смертности, небольшой продолжительности жизни (в России, к примеру, до 1914 года она составляла в среднем 26 лет), недостаточном и неполноценном питании, болезнях, подверженности разрушительным стихийным бедствиям, грязи, клопах, вшах, тараканах.

Ситуация в материальной жизни начала в корне меняться с появлением индустриальных технологий. Лишь во второй половине драматического и трагического XX века *индустриальная революция позволила, наконец, решить глобальную задачу — накормить людей*. С голодом в подавляющем большинстве стран мира, в том числе и в России, было покончено. Улучшилось качество питания, снизилась детская смертность, возросла средняя продолжительность жизни, ликвидированы многие болезни, отчасти нейтрализовано действие разрушительных сил природы.

И необходимо помнить, что произошло это совсем недавно. Когда сегодня, к примеру, упрекают народное образование в перепроизводстве в былые годы инженеров, техников, индустриальных рабочих, забывают, что общество тогда решало *задачи*, отличные от тех, которые стоят перед ним сегодня. Накормить людей могли только техника и технология. А поэтому были востребованы, в первую очередь, естественно-научные, технико-технологические знания и, соответственно, естественно-научное и технико-технологическое образование.

Вслед за этим в последние два десятилетия произошли события, преобразившие мир: энергетический кризис 70-х годов, технологическая и электронно-коммуникационная революции, прекращение гонки вооружений (человечество осознало, что за последние 50 лет все без исключения войны, произошедшие в мире, оказались безрезультатными), крах социалистической системы, интеграция мировой экономики, гигантские экологические катастрофы, распад СССР, который не только болезненно

отразился на России и бывших союзных республиках, но и вызвал огромную деформацию политических и экономических систем во всех регионах мира. Все эти события привели к тому, что мы неожиданно для себя оказались в совершенно новой эпохе. Установить точную дату перехода человечества в эту новую эпоху затруднительно. Одни авторы называют 1974 год, когда правительство США ввело так называемый «плавающий курс доллара», повлекший за собой огромные экономические, а затем и политические последствия, другие — 1991 год, когда произошёл распад СССР, третьи — войну в Персидском заливе и т.д. Но это не столь существенно. Важно, что в последние два десятилетия в мире произошли коренные изменения, в том числе и в экономической сфере. Следствием достижения *материального благополучия* — изобилия продовольствия, одежды, обуви, бытовой техники и т.д. — стало распространение по всему миру *рыночной экономики*.

Рыночная экономика определяется как экономика, ориентированная на *потребителя*. Основная цель любого производителя товаров и услуг — найти на рынке потребителя своей продукции, продать ему товар или услугу. Именно потребитель, используя находящиеся в его распоряжении деньги, оказывает в конечном итоге определяющее влияние на то, какие товары и услуги производятся и где они реализуются. Рынок выступает регулятором общественного производства. Через рынок происходит стихийное приспособление структуры производства к объёму и структуре общественных потребностей, распределение факторов производства между различными отраслями, т.е. решается вопрос, что и в каком количестве производить. Рынок устанавливает, какие условия производства являются общественно необходимыми, стимулирует снижение издержек, рост производительности труда и технического уровня производства, определяя таким образом, как будут производиться товары

и услуги, с помощью каких ресурсов и каких технологий. Наконец, рынок решает проблему — для кого производится товар, каким образом распределяется национальный доход между различными слоями населения и т.д.

Наиболее эффективно функции рыночного механизма осуществляются в условиях *экономической свободы*, которая подразумевает *свободу предпринимательства, свободу перемещения ресурсов по разным сферам применения, свободу ценообразования, свободу выбора продавцов и покупателей*. Другими словами, рыночная экономика — это саморегулирующаяся система, способная эффективно функционировать без прямого вмешательства государства.

Вместе с тем рыночная экономика имеет и недостатки. Во-первых, это определённые потери общественного труда, поскольку невозможно всегда точно определить общественные потребности и тенденции изменения спроса — затраты могут оказаться излишними. Во-вторых, неустойчивость положения участников производства — вследствие стихийного колебания цен, предложения и спроса часть производителей выталкивается из данной отрасли, что означает разорение для предпринимателей и безработицу для наёмных работников. В-третьих, поскольку товары и услуги направляются туда, где больше денег, рынок может предписать некоторым людям голодать, другим получать несоразмерные доходы. В-четвёртых, рыночный механизм ориентирован на получение прибыли, поэтому он не может эффективно решать общественные задачи — социального обеспечения, образования, здравоохранения, науки, культуры, экологии и т.п. Всё это делает необходимым определённое вмешательство общества, государства в экономическую жизнь, некоторым образом ограничивая ту экономическую свободу, о которой говорилось выше.

Тем не менее *рыночную экономику можно рассматривать как достижение человеческой цивилизации*, как

наиболее эффективную из всех существовавших форм организации общественного производства, как *общечеловеческую ценность*.

Коренным образом в последние десятилетия изменилась и *идеология человечества*. Ведь начиная с XVIII века, с эпохи Просвещения, на протяжении двухсот лет основной идеей во всём мире, доминирующей силой и главным двигателем политики была вера в спасение человечества посредством справедливого общественного устройства. Эта вера создавала такие политические течения, как социализм, коммунизм и фашизм, воплощалась в различных идеях, например, «государства всеобщего благоденствия» сначала в Германии времён О. Бисмарка, а позже в Англии, США и других странах. Несмотря на принципиальные различия, эти и многие другие течения объединяла вера в то, что построение совершенного общества приведёт к совершенству отдельного человека, что социальные акции способны создать идеальное общество, что посредством общественного устройства можно кардинально переделать Человека, превратив его в «нового Адама» — «Адама-социалиста», «Адама-нациста», «Адама-коммуниста».

И в начале XX века эти цели казались достижимыми. Почему, например, В.И. Ленин с лёгкостью заявлял, что «нынешняя молодёжь будет жить при коммунизме!» (ему вторил Н.С. Хрущёв в начале 60-х годов)? Да потому, что, по мнению большинства людей того времени, добиться материального изобилия можно просто, достаточно накормить людей хлебом, каждому дать по одному костюму и одной паре сапог. Но жизнь оказалась куда сложнее. Выяснилось, что с ростом благосостояния увеличиваются и потребности людей.

Итак, за двести лет истории «нового Адама» создать не удалось. Унификация людей оказалась явлением не прогрессивным и не гуманным. Стало, на-

конец, понятно, что люди различаются между собой больше, чем различаются общественно-экономические формации. А основа прогрессивного развития каждой страны и всего человечества в целом — сам Человек, его нравственная позиция, многоплановая природосообразная деятельность, его культура, образованность, профессиональная компетентность.

Переход человечества в новую эпоху существования вовсе не означает, что мир стал проще. Появились новые проблемы. Мир сотрясают мощные национальные движения, которые развиваются не только в «странах третьего мира», бывших социалистических странах (Югославии) и бывших республиках СССР, но и в развитых капиталистических странах (Бельгии, Великобритании, Канаде). Казалось бы, с ростом благосостояния людей национальные различия должны нивелироваться, но происходит обратное — эстонцы хотят жить как эстонцы, хорваты как хорваты и т.д.

На почве религиозных течений, самым грозным из которых является фундаменталистский ислам, развивается международный терроризм.

Стремительно изменяющиеся условия жизни и труда людей порождают нарастание стрессовых ситуаций. Отсюда резкий рост психических заболеваний, суициды, наркомания, массовая импотенция, бесплодие и т.п.

Россия вслед за ведущими мировыми державами активно входит в новую эпоху существования человечества. В этих условиях значительная часть государственного аппарата России пытается скопировать для нашей страны *западные модели*, в том числе и в сфере образования. Но это весьма опасная тенденция, угрожающая, по мнению автора, *национальной безопасности страны*.

Дело в том, что в развитых странах Запада активно пропагандируются так называемая «теория золотого миллиарда» и, что то же, теория «глобализации

информации», или просто «глобализация». За этим туманным названием кроется чёткая позиция наиболее развитых 7–10 стран, население которых и составляет этот «золотой миллиард», — установить деление всех стран на три сорта: постиндустриальный («интеллектуальный», «информационный»); индустриальный; сырьевой, сельскохозяйственный.

Постиндустриальным странам отводится роль элиты, которая производит «знания» («информацию»), в том числе научные, создаёт наукоёмкие технологии и т.д. Она же по своему усмотрению будет определять, в каких «дозах» передавать эти знания всему остальному человечеству.

Вторая группа стран, согласно этой теории, на основе полученной «информации» должна обеспечивать материальное производство, необходимое всему человечеству, но в первую очередь, конечно, первой элитной группе стран.

Третья группа стран будет производить сырьё и сельскохозяйственную продукцию, довольствуясь самым низким уровнем жизни.

Использование финансовых, военных, политических, информационных и других средств для пропаганды и реализации теории золотого миллиарда приводит к серьёзным деформациям в мире. Во-первых, реализация этой теории приводит к чудовищной неравномерности потребления ресурсов — материальных, энергетических, водных и т.п. Экономисты называют такие цифры: всего 2% населения Земли (наиболее богатая часть) потребляет 65% имеющихся ресурсов. Приведём такой пример: средний американец (а также «новый русский») ездит на внедорожнике, сжигающем 30 л бензина на 100 км. В странах же Юго-Восточной Азии мотороллер, который везёт 10 человек, сжигает 3 л бензина на то же расстояние. В первом случае количество потребляемых ресурсов на 1 человека больше в 100 раз! Апологеты этой теории утверждают, что неравномер-

ность распределения ресурсов сложилась исторически. Изменить же существующий порядок невозможно, поскольку ресурсы Земли ограничены. Их не хватит для того, чтобы довести уровень потребления ресурсов всего населения планеты до уровня «золотого миллиарда».

Но сложившаяся ситуация чрезвычайно взрывоопасна. И события 11 сентября — это лишь первое или одно из первых проявлений нестабильности в мировом сообществе.

Во-вторых, «теория золотого миллиарда» порождает деформацию и нестабильность в экономике самих западных стран. Так, в США в настоящее время почти ликвидирована лёгкая промышленность, в упадке находятся автомобильная и некоторые другие отрасли, т.е. материальное производство сворачивается.

А большая часть занятого населения — около 85% — трудятся либо в сфере информационных технологий, либо в сфере финансового бизнеса. По сути, «качают воздух». Экономика США на сегодняшний день фактически держится только на печатании долларов и продаже их по всему миру. Чтобы эту ситуацию поддерживать, США вынуждены ежедневно «поглощать» 2,5 миллиарда долларов иностранных инвестиций, а государственный долг этой страны составляет уже 33 триллиона долларов. Но долго это продолжаться не может! Примерно в том же, может быть, несколько лучшем положении, находится экономика стран Западной Европы.

Альтернативой «теории золотого миллиарда» в какой-то степени выступает концепция «устойчивого развития», пропагандируемая прежде всего ООН. Этот подход основан на развитии и повышении духовной и интеллектуальной сферы человека при удовлетворении разумных материальных потребностей *всех* людей планеты.

Следует подчеркнуть, что в обоих подходах России уготована ключевая роль. В первом случае — *пассивная* — как главного донора сырья в силу гигант-

ских природных ресурсов и «зоны грязного производства» в силу огромной территории. Нельзя отрицать, что есть силы, которые активно стремятся превратить Россию в страну третьего и частично второго сорта, в том числе за счёт ослабления нашей системы образования.

Во втором случае — *активная* — как реального лидера альтернативного пути развития человечества. Такую возможность даёт опыт, накопленный нашей страной в предыдущие десятилетия и столетия и пока ещё не полностью упразднённый «реформаторами».

Реализация «теории золотого миллиарда» привела и к существенным изменениям в классовой структуре общества. Прежде всего в современных условиях меняется *положение человека по отношению к материальному и духовному производству*. Самой драматической в связи с этим стала судьба класса промышленных рабочих. Со времён К. Маркса и Ф. Энгельса доля промышленных рабочих в общей численности занятого населения постоянно возрастала. В 50-х годах XX века, составляя более 50% занятого населения, промышленные рабочие во всех развитых некоммунистических странах превратились в доминирующую политическую силу. Но с начала 70-х годов они стали резко сдавать свои позиции. В настоящее время в США и Европе их численность составляет всего около 20% занятого населения, а к 2010 году, по прогнозам, упадёт до 5–10%.

Аналогичная судьба постигла и сельскохозяйственных рабочих. К примеру, в США в начале XX века они составляли 50% рабочей силы, а сегодня — менее 3%. Прогнозируют, что через 15 лет их число сократится ещё вдвое.

Таким образом, «синие воротнички» в развитых странах Запада из ведущей экономической и политической силы стремительно превращаются в низшие, нуждающиеся в социальной защите слои общества. Причём рабочий класс в последние десятилетия не только сократился количественно, но и распался на две

группы. Одна группа — меньшая — состоит из высококвалифицированных рабочих, которые по своему материальному и социальному положению относятся к среднему классу. Другая — *бóльшая* — представляет собой «неопролетариат», состоящий либо из людей, занятых на непостоянных работах, либо из тех, *чей уровень образования* в связи с внедрением высоких технологий остаётся невоспребованным.

Примерно та же участь постигла и класс «капиталистов-эксплуататоров». Если в 1890 году 12% наиболее состоятельных граждан США имели в собственности 86% национального богатства, то сегодня всего совокупного богатства тысячи самых состоятельных людей Америки не хватило бы для работы только одной отрасли экономики в течение 2–3 месяцев. Сегодня быть бизнесменом стало непрестижным; компаниями и фирмами управляют в основном наёмные менеджеры, а основной капитал экономики составляют сбережения граждан и пенсионные фонды.

В то же время стремительно растёт новый класс — класс высокообразованных «интеллектуальных служащих» или, как его иначе называют, — «класс людей знания». Этот новый класс в США, Японии, ряде других стран уже составляет более половины занятого населения. «Интеллектуальных служащих» нельзя считать ни эксплуатируемыми, ни эксплуататорами. Каждый из них в отдельности не является капиталистом, но коллективно через пенсионные, объединённые фонды и сбережения они владеют большей частью средств производства капитала своих стран. Они одновременно могут быть и руководителями, и подчинёнными. Они и зависимы, и независимы, поскольку прекрасно осведомлены, что знания, которыми они обладают, дают им свободу передвижения, так как в их услугах, будь то математик, программист, инженер, бухгалтер, секретарь, владеющий навыками работы на компьютере и знающий иностранные языки,

нуждаются почти все учреждения и предприятия. Для специалиста-компьютерщика, например, безразлично, где он работает — в университете или универмаге, в больнице, в правительственном учреждении или на бирже, — лишь бы была хорошая зарплата и интересная работа. А это диаметрально меняет приоритеты — интеллектуальный служащий может диктовать свои условия нанимателю при поступлении на работу.

В западных странах менеджеры, врачи, юристы, преподаватели, а также представители творческих профессий всё чаще попадают в высшие круги общества и играют всё более заметную роль в экономике и политике.

Интересно проследить динамику заработной платы работников в зависимости от уровня их образования. Так, в США на протяжении 80-х годов прошлого века почасовая заработная плата лиц с высшим образованием увеличилась на 13%, тогда как с незаконченным высшим — снизилась на 8%, со средним образованием — сократилась на 13%, а те, кто не окончил даже среднюю школу, потеряли 18% заработка. Но в 90-х годах рост заработной платы выпускников вузов приостановился. Люди с высшим образованием стали к этому времени «средними» работниками — как в 80-е годы выпускники школ. Но значительно возросла заработная плата лиц с учёными степенями: бакалавров — на 30%, докторов — почти вдвое.

В то же время в развитых странах Запада стремительно растёт так называемый «низший класс» (англ. «underclass»), представители которого из-за *низкого уровня образования* не могут найти себе адекватного применения в условиях экспансии высоких технологий. Этот класс составляют работники физического труда, неспособные «вписаться» в высокотехнологичные процессы, представители отмирающих профессий, люди, занятые в примитивных отраслях сферы услуг, временно или постоянно безработные, неквалифицированные иммигранты, матери-одиноч-

ки, сироты и выходцы из неполных семей, а также различного рода асоциальные элементы. По некоторым оценкам, *не менее трети трудоспособного населения* развитых постиндустриальных стран можно отнести сегодня к «низшему классу»! Так, свыше 25 млн взрослых американцев принадлежат к категории функционально неграмотных, 30% — имеют навыки чтения ниже уровня пятого класса.

Таким образом, происходит новое, небывалое в истории расслоение общества на высокообразованную «элисту» и малообразованный «низший класс».

Если в феодальном обществе «путь вверх» обуславливался сословным происхождением, в капиталистическом обществе — материальным благосостоянием родителей, то в нынешнем постиндустриальном обществе — *уровнем образования*.

Но интеллектуальный класс, который сформировался как элита постиндустриального общества, не присваивает результаты чужого труда. Интеллектуальная элита, предлагающая рынку принципиально новые продукты и услуги, собственным трудом обеспечивают себе немислимый ранее уровень благосостояния, выступая одновременно залогом прогрессивного развития экономики и общества. При этом подавляющее большинство среди этой группы составляют люди, не унаследовавшие, а сами *заработавшие* своё состояние. Более 80% миллионеров, живущих сегодня в США, вступили в свою жизнь представителями среднеобеспеченных слоёв. Таким образом, новый высший класс постиндустриального общества как никогда прежде является *трудящимся классом*.

В то же время «низший класс» в современных условиях становится всё больше *классом эксплуататоров*. Факт, казалось бы, парадоксальный! Но обратимся к словарям: «*эксплуатация — присвоение продуктов чужого труда*». Вот с позиций этого определения автор и приглашает читателя взгля-

нуть на данную проблему. Действительно, чтобы избежать социальных потрясений, государство выплачивает малоимущим слоям населения всё больше социальных пособий, пособий по безработице и т.д. А откуда эти средства берутся? Прежде всего из налогов, удерживаемых из зарплаток представителей среднего и высшего классов. Вот это и есть присвоение продуктов труда одного класса другим классом, т.е. *эксплуатация*.

Помощь государств своим обездоленным гражданам становится всё больше. На цели социальной поддержки в США ежегодно выделяется около 500 млрд долларов, или около 17% расходной части федерального бюджета. А к этому следует ещё добавить расходы многочисленных благотворительных обществ, церковных общин и т.д. Если бы заработная плата была единственным источником доходов работающих американских граждан, то 21% из них жил бы за чертой бедности, а для пожилых людей эта цифра составляла бы более 50%!

Но при этом представители «нижнего класса» ощущают себя людьми второго сорта, людьми угнетёнными, находящимися «на обочине». Ситуация усугубляется ещё и тем обстоятельством, что всё большее количество людей из слабо развитых стран Азии, Африки и Латинской Америки устремляется в развитые страны Запада (а также, заметим, и в Россию) в поисках благополучной жизни. А в этих развитых странах они опять же пополняют «низший класс», усугубляя ситуацию.

Новое социальное деление может стать более опасным, чем разделённость капиталистического общества на буржуа и пролетариев. Центральный конфликт индустриального общества возникал вокруг распределения материального богатства. Основанный на владении собственностью и отстранённости от неё, такой конфликт имел потенциальные возможности разрешения. Использовался как механизм перераспределения собственности, так и механизм, основанный

на повышении благосостояния обездоленных групп населения. В нынешних же условиях *знания и способности*, которые составляют основной ресурс, обеспечивающий рост благосостояния, *не могут быть ни отчуждены, ни перераспределены*. При этом совершенно очевидно, что экономическая поддержка незащищённых слоёв населения не может быть долгое время эффективной. *Поэтому современное расслоение общества и сопровождающий его конфликт, очевидно, станут более тяжёлыми и сложно изживаемыми, чем социальные проблемы капиталистического общества.*

Читатель может обвинить автора в том, что все ссылки на развитые страны Запада не имеют отношения к России и её проблемам, поскольку... «нам до них далеко». Но автор со всей ответственностью утверждает, что Россия — самая богатая страна в мире. И не только по природным ресурсам, но и по гигантскому индустриальному и интеллектуальному потенциалу. Поэтому она обладает всеми возможностями для стремительного развития в условиях рыночной экономики.

Зарубежные авторы характеризуют динамику развития ведущих стран Запада за последние десятилетия таким образом: индустриальное общество — деловое общество (в основе было отлаживание механизмов современной рыночной экономики, а движущей силой — предпринимательство) — интеллектуальное (постделовое) общество. Россия сегодня находится, очевидно, на этапе перехода от индустриального к деловому обществу. Но, учитывая специфику нашей страны, можно предположить, что процессы развития делового и интеллектуального общества в России могут пойти *параллельно*.

Экономика России сегодня стремительно развивается, точнее сказать — восстанавливается. Наблюдается быстрый рост среднего класса, а также интеллектуальной элиты, в первую очередь за

счёт вовлечения сотен тысяч талантливых молодых людей в сферу информационных технологий. Из-за отсутствия достоверной статистики по доходам населения приведём только один интересный факт: в нашей стране на 140 млн человек приходится 33 млн автомобилей. Россия вплотную подошла к уровню стран Западной Европы, а в Москве — сравнялась (а уровень автомобилизации населения — один из показателей благосостояния страны).

В то же время растёт и «низший класс». Его составляют как люди, не востребованные экономикой из-за недостаточного уровня образования, так и люди, психологически не готовые к труду в новых условиях. В Москве, например, у дворников вполне приличная зарплата (в некоторых ДЭЗах она составляет 15 000 рублей). Но эти рабочие места пусты — из-за их «непрестижности» для москвичей (мигрантов брать на эту работу запретила московская администрация). Многие работоспособные люди сидят по домам, рассуждая, что на заводах, на стройках платят мало — лучше вообще не работать. Пополняют «низший класс» «профессиональные безработные» (по мнению работников служб занятости, человек, не работавший на протяжении пяти лет, безнадёжен для рынка труда), а также чудовищно разросшиеся милиция и многочисленные охранные структуры. Стремительно растёт «низший класс» за счёт профессиональных нищих, выросших беспризорников и социальных сирот, мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья и т.д. Почти четверть населения страны — 31 млн человек — находятся за чертой бедности.

Сегодня в России налицо и признаки роста классового противостояния: наркомания, алкоголизм, особенно среди молодёжи, грабежи, разбои, поджоги, немотивированные убийства. Уже не один десяток крупных российских учёных убиты на улицах и в подъездах бейсбольными битами! Деморализация «низ-

шего класса» усиливается воздействием мафиозных структур, которые, с одной стороны, активно пополняют свои ряды его представителями, с другой стороны, извлекают свои сверхприбыли путём эксплуатации самых низменных инстинктов человека. На представителей «низшего класса» делают свою ставку и тёмные политические силы, точно так же, как в Германии начала 30-х годов прошлого века.

В России складывается довольно тяжёлая и опасная ситуация, осложняющаяся и слабыми экономическими возможностями государства, которое не в состоянии пока выплачивать «низшему классу» существенные социальные пособия.

Обратимся теперь непосредственно к *российскому образованию*. Мы в точности повторяем путь западных образовательных систем, направленный на интеллектуальное расслоение общества за счёт дифференциации *доступности* образования. Приведём такие цифры: в 2000 году число выпускников 11-го класса составило 1,35 млн человек, а в вузы поступили 1,2 млн, причём в подавляющем большинстве по «престижным» специальностям: экономистов, юристов, психологов и т.п., в перспективе образуя массу безработных с высшим образованием. Известна общемировая закономерность — лица с высшим образованием (по крайней мере, с высшим гуманитарным) к станку не идут. Непрестижные рабочие места — на заводах, на стройках, на рынках — всё больше у нас занимают китайцы, вьетнамцы, украинцы, молдаване, азербайджанцы, грузины и т.д. Таким образом, и безработные с высшим образованием, и мигранты стремительно пополняют формирующийся «низший класс».

В то же время общеобразовательная школа с 1-го по 11-й класс теряет «по дороге» от 2,5 до 4,7 млн человек (достоверная статистика отсутствует). Из них примерно 700 тысяч человек поступают в учреждения начального профессионального образования, 800 ты-

сяч — среднего профессионального. Но несколько миллионов уходят из школы «в никуда» и становятся люмпенами и маргиналами, пополняя ряды преступников, наркоманов и т.п. Эта цифра не учитывает тех детей, которые вообще не посещают школу. Как правило, к ним относятся дети мигрантов и вынужденных переселенцев, а также дети из самых малообеспеченных слоёв населения, лишённых в том числе и жилья. Все они в недалёкой перспективе опять же будут пополнять «низший класс». Отказ от школьного всеобуча — заслуга наших «демократов» — это не только *огромная социальная опасность, но и экономическая «яма», особенно в условиях напряжённой демографической ситуации.*

По данным Всемирного банка, в России школу посещают 90,8% детей в возрасте от 7 до 14 лет, а учреждения общего, начального и среднего профессионального образования — лишь 69,5% молодёжи в возрасте от 15 до 18 лет. Остальные — это опять же пополнение «низшего класса», ведь человек без общего и профессионального образования в лучшем случае способен к малоквалифицированному труду.

Кроме того, как показывают социологические исследования, подавляющее большинство работодателей сегодня предпочитают брать на работу высококвалифицированных рабочих на уровне 5–6-х квалификационных разрядов. А профессиональные училища и лицеи готовят рабочих (имея в виду трёхлетний срок обучения) лишь на уровне 3–4-х разрядов. Таким образом, определённая часть выпускников профучилищ также войдёт в состав «низшего класса». Выпускников же техникумов и колледжей работодатели охотнее берут на работу из-за их более высокой теоретической подготовки. Поэтому сегодня вопрос об интеграции начального и среднего профессионального образования стоит особенно остро.

Очевидно, что и приём абитуриентов в вузы не должен осуществляться

лишь по результатам Единых государственных экзаменов. Казалось бы, такой механизм вполне демократичен — все поставлены в равные условия. Но ведь уровень подготовки московского школьника гораздо выше, чем школьника из какого-нибудь сибирского села, где зачастую из-за отсутствия учителей не преподаётся по несколько обязательных предметов. И ситуация в сельских школах ещё долго не изменится. Поэтому московский школьник скорее поступит, к примеру, в сельскохозяйственный вуз, хотя работать в деревню никогда не поедет. Возможности школьника из состоятельной семьи подготовиться к сдаче ЕГЭ, конечно, выше, хотя бы за счёт репетиторства, чем у его сверстника из бедной семьи. Так что такой «демократический», «равноправный» механизм приёма в вузы, очевидно, будет способствовать *социальному расслоению населения.*

Так же разнятся и возможности поступления в вуз учащихся школ, ПТУ и техникумов. Введение механизма ЕГЭ практически лишает выпускников профтехучилищ и сузов возможности продолжения образования в вузе. В том числе и возможности получения высшего образования в сокращённые сроки за счёт широко распространившегося в последнее время заключения прямых договоров учреждений начального и среднего профессионального образования с вузами. Так что вполне резонно задать вопрос о «равных условиях» поступления в вузы: а для кого и, главное, для чего они «равные»?

На расслоение общества вольно или невольно «работает» и система внутрифирменного обучения персонала. Эта сфера народного образования раньше называлась «подготовка и повышение квалификации кадров на производстве», а теперь получила такое современное название. Если раньше в условиях плановой экономики каждое предприятие и организация несли ответственность (хотя бы формальную) за по-

стоянное повышение квалификации *всех* рабочих и специалистов, то теперь работодатели вкладывают средства лишь в повышение квалификации в основном высших менеджеров и наиболее квалифицированной части рабочих, поскольку вложения средств в интеллектуальный ресурс именно этих категорий работников дают наибольшую экономическую отдачу. Но тогда остальные работники оказываются отстранёнными от возможностей дальнейшего профессионального роста, что опять же способствует расслоению общества.

Беда ещё и в том, что, как показывают социологические исследования, проводимые во многих странах мира, в том числе и в России, расслоение общества по уровню образования имеет тенденцию становиться *наследственным*. Высокообразованными людьми становятся чаще всего дети из высокообразованных семей, а малообразованными — из малообразованных семей.

Таким образом, Россия, в том числе и отечественное образование, «успешно» повторяет путь западных стран, порождая в перспективе и социальную напряжённость, и нестабильность экономики, которая ещё и возродиться не успела. А ещё у нас «демографическая яма». Очевидно, для России этот путь вряд ли перспективен. Более привлекателен, по мнению автора, другой путь —

развития и возвышения *в каждом человеке* духовного и интеллектуального начала при удовлетворении разумных материальных потребностей *всех* людей. Тем более что этот путь соответствует и нашему традиционному российскому *общинному* менталитету с его формулой «Один за всех и все за одного» в отличие от западного, основанного на индивидуализме: «Каждый для себя, один Бог за всех».

Российской системе народного образования, пока ещё не поздно, *необходимо* повернуться лицом к проблеме *доступности образования*: возродить школьный всеобщ, закрепив за каждой школой определённый «микрорайон»; добиться законодательным путём возрождения обязательного полного среднего образования; увеличить количество ученических мест в учреждениях начального и среднего профессионального образования, чтобы сделать их доступными *для всех*; создать действительно демократический механизм поступления в вузы; сделать возможным продолжение образования молодёжи и взрослого населения в общеобразовательных и профессиональных учебных заведениях без отрыва от работы и т.д. *Ведь сегодня, как никогда, ответственность за будущее общества и страны ложится на школу, на всю систему народного образования.* **НО**